

№ 151

Р У С С К И Я В Ё Д О М О С Т И

СЕРЕДА, 2-го ЮЛЯ 1914 г.

3

На родинѣ Чехова.

Тихій и сонный Таганрогъ изнываетъ отъ жары, которую безсильно умѣрить окружившее его съ трехъ сторонъ море. Таганрогцы лѣнливо двигаются, никуда не спѣшать, неторопливо ствѣчаютъ на вопросы.

Цѣль моего пріѣзда не заинтересовываетъ обывателей; они вяло произносятъ «А!» и зѣваютъ. И чувствуется, что это совершенно случайно, что имя А. П. Чехова связано съ этимъ тихимъ и соннымъ городомъ; въ которомъ несмотря на его разбросанность нѣтъ ни трамвая, ни конки, воду до сихъ поръ развозятъ водовозы, о капитализмъ говорятъ какъ о чемъ-то недостижимомъ. Единственное его достоинство: онъ хорошо вымоетъ и производитъ пріятное впечатлѣніе чистоты.

На первыхъ же шагахъ меня встрѣчаетъ непріятное разочарованіе. Изъ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя сохранили воспоминанія о дѣтскихъ и гимназическихъ годахъ Чехова, почти никого нѣтъ въ городѣ, — успѣли уже разъѣхаться. Осталось только двое: преподаватель Чехова въ приготовительномъ классѣ и надзиратель гимназіи П. И. Вуковъ и соученикъ Чехова по гимназіи докторъ Шамковичъ. Приходится воспользоваться этими двумя источниками.

Вуковъ — высокій, плотный, совершенно бодрый старикъ. Ему подъ 70 лѣтъ, и онъ и по сію пору состоитъ надзирателемъ гимназіи. Охотно дѣлится своими воспоминаніями, но, видно, ихъ сохранилось у него немного. Какъ въ самомъ дѣлѣ черезъ столько лѣтъ пронести воспоминанія о

мальчишья, который ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся въ гимназін и образъ котораго расплывается въ туманѣ не одной тысячи ему подобныхъ!

Вуковъ характеризуетъ Чехова какъ очень скромнаго и тихаго мальчика, мало принимавшаго участіе въ шалостяхъ и забавахъ своихъ сверстниковъ. Въ старшихъ классахъ въ немъ обнаружилась опредѣленная черта характера, — острый, мѣткимъ словомъ характеризовать того или иного педагога или товарища. Иногда онъ подавалъ идею для какой-нибудь остроумной затѣи, но самъ всегда былъ въ сторонѣ. Его идею и острое словечко подхватывали товарищи, и это становилось источникомъ веселья и смѣха.

— Но самъ Чеховъ, — говоритъ Вуковъ, — никогда не смѣялся. Онъ только давалъ матеріалъ для смѣха другимъ.

— Конечно, — добавляетъ Вуковъ, — не безъ того было, чтобы Чеховъ не принималъ участія въ нѣкоторыхъ шалостяхъ; но это не было отъ природной рѣзвости, отъ избытка силъ и энергіи. Просто тамъ, гдѣ шалить и шуметь десять, легко втягивается въ шалость и одиннадцатый.

Вуковъ отмѣчаетъ очень хорошее отношеніе къ Чехову со стороны педагогическаго міра, особенно со стороны директора Эдмунда Рудольфовича Рейтлингера.

— Часто, — говоритъ Вуковъ, — можно было видѣть ихъ въ корридорѣ гимназін гуляющими вмѣстѣ. Заходилъ Чеховъ къ директору и частнымъ образомъ на квартиру.

Этому доброжелательному отношенію къ Чехову далъ мнѣ потомъ объясненіе докторъ Шамковичъ. Докторъ сохранилъ воспоминанія о Чеховѣ только изъ періода пребыванія съ нимъ одновременно въ восьмомъ классѣ.

— Я помню, сказалъ Шамковичъ, — Чехова только въ восьмомъ классѣ, — вѣроятно, потому, что сидѣлъ съ нимъ въ этомъ классѣ на одной партѣ. Совершенно не помню его въ другихъ классахъ. Объясняется это тѣмъ, что Чеховъ совершенно ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей, никакой активной дѣятельности не проявлялъ. Въ нашей гимназін, въ то время, несмотря на расцвѣтъ толстовскаго классицизма и формализма, при полномъ отсутствіи сердечнаго попеченія, было стремленіе среди учениковъ искать душу живу. Искали ея, конечно, въ стѣнѣ гимназін. Одна часть находила ее въ чувственныхъ удовольствіяхъ; другая — въ кружкахъ; гдѣ читали Писарева, Бакунина, Герцена. Чеховъ не примыкалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, — держалъ себя особнякомъ. Единственнымъ его увлеченіемъ былъ театр. Начальство оберегало насъ и отъ вліянія театра. Антону Павловичу приходилось пробираться въ театръ, переодѣваясь въ штатское платье и забираясь на галерею. Ко великимъ общественнымъ теченіямъ того времени онъ проявлялъ полный индифферентизмъ. У насъ много спорили о политическомъ террорѣ; начавшемся въ то время въ Россіи, дѣлились на сторонниковъ и противниковъ; Чеховъ и въ этомъ вопросѣ стоялъ въ сторонѣ, не одобряя и не порицая террора. Сидя въ сторонѣ отъ тенденціозныхъ выступленій, отъ кружковъ и группъ, онъ, конечно, былъ незамѣтенъ среди товарищей, не предполагавшихъ въ немъ будущаго большаго писателя. Учился онъ, что называется, ни шатко, ни валко, не готовилъ уроковъ, отвѣчалъ вяло, часто подталанывая одного изъ своихъ сосѣдей, прося, чтобы ему подсказывали. Единственный предметъ, которымъ онъ занимался съ удовольствіемъ, былъ Законъ Божій. Преподававшій этотъ предметъ протоіерей Покровский очень любилъ Антона Павловича.

Характеризуя обращавшую на себя вниманіе всего класса сдержанность и скрытность Чехова, мой собесѣдникъ разсказалъ слѣдующій очень любопытный случай.

Какъ-то онъ спросилъ Чехова, на какомъ факультетѣ Чеховъ собирается. Антонъ Павловичъ отвѣтилъ, загадочно улыбаясь, что поступить онъ въ духовную академію и непременно станетъ священникомъ.

Для моего собесѣдника и до сихъ поръ совершенно неясно, было ли это обычнымъ проявленіемъ чеховской скрытности, или дѣйствительно въ это время у Чехова было намѣреніе поступить въ духовную академію. Несомнѣнно только, что онъ искренне интересовался богословскими науками.

Хорошее отношеніе къ Чехову со стороны гимназическаго начальства докторъ Шамковичъ объясняетъ индифферентизмомъ Чехова къ общественнымъ теченіямъ, что въ глазахъ начальства того времени было очень большимъ достоинствомъ.

Между прочимъ докторъ Шамковичъ разсказалъ слѣдующій любопытный фактъ, который характеризуетъ лишний разъ отношеніе Чехова къ общественнымъ выступленіямъ. Произошло недоразумѣніе между классомъ и преподавателемъ словесности Мальцевымъ, и классъ рѣшилъ не подавать очереднаго сочиненія. Съ этимъ охотно согласился и Чеховъ, и дѣйствительно, весь классъ, за исключеніемъ одного, нѣмъ здравствующаго, сочиненія не подавъ. Поступокъ измѣнника очень возмутилъ одного сейчасъ чрезвычайно популярнаго на Югѣ присяжнаго повѣреннаго, и онъ нанесъ измѣннику ударъ по лицу. Бывшій свидѣтелемъ этой расправы Чеховъ пришелъ въ большое волненіе и воскликнулъ:

— Это глупо! Это дико!

Вотъ то очень немногое, что можно было узнать въ Таганрогѣ о гимназическихъ годахъ Чехова.

—

Между Чеховымъ и таганрогскимъ городскимъ управленіемъ установилась очень рано связь и взаимная переклика.

Чеховъ заботливо относился къ таганрогской городской библіотекѣ и присылалъ въ нее книги самаго разнообразнаго характера. Посылалъ даже книги съ автографами своихъ товарищей. Таганрогская управа отвѣчала Чехову, благодаря его за заботу о библіотекѣ роднаго города. Когда Чеховъ умеръ, выяснилось, что онъ завѣщалъ причитающіеся ему изъ кассы взаимопомощи литераторамъ и ученымъ 1,631 р. 15 к. въ пользу таганрогской городской библіотеки.

Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій городской Думы было рѣшено назвать эту библіотеку именемъ Чехова, завѣщанныя имъ деньги положить въ основу фонда для постройки зданія библіотеки и музея, а при музее учредить специальную Чеховскую комнату.

Это рѣшеніе таганрогскаго городского управленія было закончено выполненіемъ къ концу прошлаго года, и 17-го января 1914 г. состоялось освященіе новаго зданія библіотеки и музея. Зданіе помѣщается въ центральной части города, на главной, Петровской, улицѣ, нѣсколько отъ зданія городской управы. Построено оно образцово, съ массой воздуха и свѣта; особенно поражаетъ новѣйшая система, по которой сооружено книгохранилище.

Собственно Чехову отведена одна небольшая комната, которая должна явиться зачаткомъ будущаго Чеховскаго музея. Пока въ музей собрано не особенно много вещей и незначительное количество рукописей. Въ особой витринѣ—аттестатъ зрѣлости Чехова, собственноручное заявленіе о припискѣ къ призывному участку, въ другой—нѣсколько его писемъ, рукописей, дѣло городской управы объ увѣковѣченіи памяти Чехова, переписка Чехова съ управой по поводу библіотеки. Въ специальномъ шкафу—вещи, принадлежащія Чехову: сюртукъ, палка, галстукъ, перчатки и нѣкоторыя другія; здѣсь и вѣнокъ, поднесенный Чехову на постановкѣ «Чайки» въ московскомъ Художественномъ театрѣ, разнообразныя портреты Чехова во все періоды его жизни, портреты близкихъ ему лицъ и друзей.

Все это очень мило, уютно, во всемъ видна заботливая рука, но,—увы!—все это еще счепъ бѣдно и носитъ характеръ случайнаго. Только современемъ, когда о музей узнаютъ, въ немъ, можетъ-быть, сосредоточится все, что цѣнно для памяти Чехова, для его изученія. Гдѣ безконечное количество его рукописей, его корректуры? Неужели все это капало въ Лету? А оригиналы его писемъ? На нихъ смотреть, должно-быть, какъ на личную собственность и не хотѣть отдать въ общее достояніе. Разъ дѣло по созданію Чеховскаго музея началось, надо довести его до конца. Между прочимъ это—вина уже, конечно, заботящихся о музей: въ немъ нѣтъ ничего о Чеховѣ. Не собраны посвященные ему журналы и газеты, которые вѣдь совершенно пропадаютъ для потомства. Было бы хорошо, если бы все періодическія изданія послали сегодняшніе свои нумера въ музей, адресуя ихъ на имя завѣдующаго музеемъ Василія Михайловича Костылева.

Въ гимназій, гдѣ учился Чеховъ, память его отмѣчена мраморной доской, на которой написано время, когда онъ поступилъ въ гимназію и когда окончилъ курсъ.

Прибита доска и на маленькомъ домикѣ, гдѣ родился Чеховъ. Къ сожалѣнію, сдѣлано это не вполне удачно: доска прибита къ дому, который помѣщается внутри двора,—снаружи не сразу узнаешь, гдѣ же домикъ Чехова.

Именемъ Чехова названа улица, на которой помѣщается этотъ домъ. Въ домѣ живутъ сейчасъ частныя лица, и городское управленіе ведетъ переговоры о покупкѣ этого дома. Владѣльцы вздуваютъ цѣну, и торгъ до сихъ поръ не пришелъ къ концу.

Во всякомъ случаѣ таганрогское городское управленіе отнеслось не въ примѣръ другимъ внимательнѣе къ памяти родившагося въ его городѣ писателя. Сейчасъ идутъ сборы, но пока слабо (собрано тысячъ 6) на памятникъ писателю. Намѣчено и мѣсто для этого памятника. Можетъ-быть, сегодняшній день дастъ толчокъ для болѣе интенсивныхъ пожертвованій, которыя надо направлять въ городскую управу.

Москвѣ особенно слѣдовало бы объ этомъ подумать.

К. Н.

Комментарий

...несмотря на расцвет толстовского классицизма и формализма... – имеется в виду политика, проводимая занимавшим в 1866–1880 гг. пост министра народного просвещения гр. Д.И. Толстым (1823–1889). Одна из составляющих толстовской реформы среднего образования — значительное усиление преподавания древних, или классических, языков – латинского и древнегреческого, а также математики.

Вуков Павел Иванович (1850–1920) – помощник классных наставников и надзиратель в Таганрогской гимназии.

Шамкович Исаак Яковлевич (Львович; 1859–1941) – товарищ Чехова по таганрогской гимназии, таганрогский врач

Рейтлингер Эдмунд Рудольфович (1830–1903) – педагог, преподаватель истории и латинского языка, директор таганрогской гимназии (1872–1884).

Покровский Федор Платонович (1833–1898) – протоиерей, законоучитель таганрогской гимназии.

Мальцев Андрей Дмитриевич – учитель словесности в таганрогской гимназии.

Костылев Василий Михайлович – хранитель музея Чехова в Таганроге (в 1915 г.).